

Армавирский государственный педагогический университет

Кубанское отделение "Русского исторического общества"

Общественная академия наук, культуры,
образования и бизнеса Кавказа

Краснодарский краевой общественный фонд культуры
кубанского казачества «Линсец»

Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 53.

В.Б. Виноградов, Е.Г. Люфт

**А.А. БЕСТУЖЕВ (МАРЛИНСКИЙ):
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
ПОВЕСТИ «АММАЛАТ-БЕК»**

Москва-Армавир – 2009

9(С16)
63.3 (2Р37)
В – 49

Армавирский государственный
педагогический университет.
В.Б.Виноградов, Е.Г.Люфт. А.А.Бестужев
(Марлинский): историко-этнографические
реалии повести «Аммалат-бек». – Москва-
Армавир. 2009.

От редактора

Исполняется 180 лет как ссыльный писатель-декабрист Александр Александрович Бестужев, прославившийся своим литературным псевдонимом «Марлинский», прибыл на Кавказ, продолжая своё сибирское изгнание (1829 г.). Авторы этого издания не новички в поднимаемой проблематике, подтвердив свои намерения рядом публикаций, в том числе и предшествующим выпуском в сериале кавказоведческой Школы В.Б.Виноградова «Практические опыты исторического регионоведения» (Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. Этюды о А.А.Бестужеве-Марлинском на Кавказе. – Москва-Армавир. 2008).

На этот раз творческое содружество профессора и студентки преследует цель историко-этнографического комментирования самой прославленной из кавказских повестей А.А.Бестужева «Аммалат-бек».

Результаты авторского анализа заслуживают пристального интереса и одобрения, которые не преминут им оказать широкие читательские круги Юга России.

М.И.Серова

На первой обложке: Рисунок М.Ю. Лермонтова к повести А. Марлинского «Аммалат-бек».

ISBN 978-5-93750-212-4

© В. Б. Виноградов, 2009 г.

© Е. Г. Люфт, 2009 г.

К читателям

Обращение к объявленной в названии данной работы теме подготовлено нашими предшествующими публикациями (1), а также убеждением в том, что историко-этнографический подход к кавказским произведениям А.А.Бестужева (Марлинского) в должной мере до сих пор не реализован, хотя актуальность его бесспорна. Он очевидно уступает биографическому, литературно-художественному, политико-философскому и другим аспектам, нашедшим своё относительно полное воплощение, в том числе в яркой серии изданий кубанских коллег (2).

Между тем, поставленная нами проблема приобрела высокую злободневность по крайней мере с середины прошлого века. Она стала предметом дискуссии (явной или скрытой) в трудах филолога В.Базанова(1953г.), этнографа М.Косвена (1961г.) и др., получив определённое обобщение у Б.С.Виноградова (3), чьё научное наследие стало одним из побудительных мотивов нашего нынешнего исследования.

Намереваясь подвергнуть соответствующему разбору всю повесть «Аммалат-бек», мы пока что предлагаем читателям свои видения и соображения, по составу первых четырёх глав той «Кавказской были», которая принесла А.А.Марлинскому громкую славу и вызвала колоссальный интерес и резонанс у многонациональной образованной публики России, высветив недожинный талант писателя и своеобразие его художественного метода.

Публикуемый текст не претендует на полноту и завершённость анализа. В данном случае это не предусматривалось авторами. Но он даёт, по нашему мнению, необходимое представление об осуществляемом историко-литературоведческом направлении в постижении сути соответствующей информации, содержащейся в повести, в русле некоторых главных концепций кавказоведческой Школы, которую мы посылно представляем (4).

Надеемся, что такая попытка найдёт отклик и понимание у тех, кто возьмёт на себя заботу ознакомиться с этим изданием.

Примечания:

1. Библиографию см.: Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. Эпюды о А.А.Бестужева-Марлинском на Кавказе. – Москва-Армавир, 2008; Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. Бестужев-Марлинский и Лермонтов – как выразители кавказской «российскости» // Год Александра Александровича Бестужева (Марлинского) – горизонты осмысления. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар. 14 декабря 2007 года. – Краснодар, 2008, с. 51-56; Люфт Е.Г. Кавказские открытия А.А.Бестужева-Марлинского // Там же, с. 57-61.
2. Серова М.И. Блистательный «муравейник» России (Памяти декабристов Муравьёвых). – Краснодар. 2007; Серова М.И., Трёхбратов Б.А. «Нас было много на челне... (декабристы в «тёплой Сибири»)». – Краснодар, 2007; они же. Своей судьбой гордимся мы... «Первенцы свободы» и «прикосновенные» к ним. Декабристы в кубанской ссылке. – Краснодар, 2008. и др.
3. Виноградов В.Б. Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX века. – Грозный, 1966.
4. См.: Материалы заседания, посвящённого 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности Школы академика В.Б.Виноградова. Части I и II. – Армавир, 1994; Кавказоведческая Школа В.Б.Виноградова: становление, современность, перспективы. Части I и II. – Армавир, 2002; Кавказоведческая Школа В.Б.Виноградова: к 15-летию деятельности на Кубани. – Москва; Армавир, 2007; Материалы Межрегиональной научной конференции: «Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы» (к 70-летию В.Б.Виноградова). – Армавир, 2008.

I. Штрихи кавказской предыстории повести «Аммалат-бек»

В феврале 1829 г. сосланный в Сибирь А.А.Бестужев послал в Санкт-Петербург просьбу о переводе его из Якутска на Кавказ, часто именующийся тогда «тёплой Сибирью». Пройдя необходимые инстанции она была удовлетворена. Военный министр граф А.И.Чернышов отдал предписание главнокомандующему на Кавказе И.Ф.Паскевичу: «Сосланного в Сибирь на поселение определить на службу в один из действующих против неприятеля полков (Отдельный Кавказский корпус)... с тем, однако же, что, в случае оказанного отличия против неприятеля, не был он представлен к повышению. Иметь за ним тайный бдительный надзор» (1).

Преодолев долгий путь, декабрист прибыл в Ставрополь, откуда и началось его личное знакомство с Кавказом. Вскоре он написал: «Я упивался зрением... Я любовался Казбеком, на ледяных раменах которого отдыхали облака, и ненаглядною цепью опаловидных гор, и голыми утёсами ущелья, - и всё было так мирно кругом, всё, кроме кровожадного человека. Страх, как ангел с пламенным мечом, стерегущий границы рая, сторожит этот край поэзии и любви. Вдали на каждой вершине обрывистых гор, как ястребиные гнёзда чернели разрушенные замки с подзорными башнями, в русских редутах курились фитили, и ребёнок пастух, неподвижный на краю пропасти, вооружён кинжалом. Скоро ли настанет время, когда елей просвещения смоет кровь с миролюбивых оратаев?...» (2).

К исходу года, преодолев территорию Грузии и пограничные районы ещё турецкой Армении, «через Ганджу, через Шамаху... прибыл в Дагестан, проехав в полгода около двенадцати тысяч вёрст и видев в это время чёрного соболя в тундрах Сибири, волка на полях приволжских, оленей на вершинах Кавказа, тура, скачущего по стремнинам Лазистана, и кабанов в делях дагестанских, - и всё в пустынях. Теперь я живу, то есть дышу, в Дербенте, городе с историческим именем и с грязными улицами» (3).

9 января 1830 г. А.А.Бестужев жалуется в письме к матери: «Русские здесь болеют беспрестанно лихорадками и воспалениями, и едва ли треть из больных выживает...» (4). Одновременно сообщает: «Госпожа холера, однако ж и пробовала по жилам моим, как по струнам аккорды, но не сыграла своего адского погребального марша» (5).

Болезненные состояния, практически, не отпускали А.А.Бестужева весь срок его пребывания на Кавказе. Это отражено в его многочисленных письмах разным адресатам. Но, рядом с сетованиями и жалобами в них зафиксированы и необычайно содержательные его наблюдения и раздумья о местной действительности. Раздумья не только очевидца, но и непосредственного и активного их участника (6). В том числе и самых разнообразных и опасных военных действий.

После непродолжительного пребывания в Грузии полк, к которому рядовым солдатом прикомандировали декабриста, «оставил за собой цветущую природу Грузии и за речкой Арпачай ступил на завоёванную землю Турции... завладев высотами ворвались мы в крепость Байбурт через засеки, прошли его насквозь, преследуя бегущих, и, наконец, вёрст пять далее вступили в дело с лавами, сбили их с горы, и пошла рукопашная. Я был ужасно утомлён усилиями вскарабкаться по каменистой крутой горе, в полной амуниции и в шинели». Через несколько дней: «...Мы двинулись к городу Байбурту вторично... Мятежный город, взятый приступом, был сожжён.... Это было великолепно!! В ночь особенно пожар, отражаясь в волнах Чароха, обтекающего Байбурт, играл на багровых скалах окрестных...».

В конце 1830 года новые впечатления: «Зиму всё было спокойно.... Но с появлением подножного корма, этого элемента наездников, все жители поморья (т.е. Прикаспия, - авт.) начали уклоняться от своих обязанностей. Там и сям совершались убийства.... Волнение стало заметнее...». Здесь и многократно в других эпистолярных случаях речь идёт о восстании в

горном Дагестане первого имама Кази-муллы, и отражении его многочисленных и разорительных набегов. «... Мы потчевали не раз войска Кази-муллы... и делаем чувственное путешествие в горы, поколачивая мятежников при каждой встрече».

Амплитуда войсковых перемещений тогда охватывала равнинные и горные пространства от Дербента до города Тарки – столицы Тарковского шамхальства. Военные действия перемежались с мирными повседневными контактами. В «Письмах из Дагестана» есть примечательный сюжет: «Меня очень любят татары за то, что я не чуждаюсь их обычаев, говорю их языком (7). Поэтому каждый раз, когда я выходил на стены подразнить и побранить врагов... куча дербентцев окружала меня...».

Следует помнить, что образованнейший человек своего времени из славной когорты декабристов был широко и разнообразно начитан, являясь участником всех основных общественно-политических обсуждений и дискуссий своей эпохи и своего круга друзей, единомышленников, а также и других идейно-творческих лиц из своего окружения. Это весьма значимая тема, заслуживающая специального подробного рассмотрения. В данном случае ограничимся лишь упоминанием нескольких научных работ, касающихся именно кавказской проблематики (8). Трудно переоценить значение этого фактора в умственно-художественном становлении А.А.Бестужева-Марлинского как литературного открывателя Кавказа.

К сказанному нужно добавить: с конца 1820-х годов отмечен такой массовый жанр как дневники россиян, побывавших на Кавказе, подпавших под его обаяние (9). Они тоже являются ценнейшим источником для ассоциаций и выводов ссыльного писателя и ожидают своего тщательного изучения.

Как сказано выше, летом 1829 года репрессированный декабрист прибыл рядовым солдатом в действующую армию на Кавказ. Надо полагать, что он не сразу добился этой смертельно опасной «льготы». Известно, что

ещё за полтора года до этого перемещения он получил разрешение на публикацию своих сочинений. Они стали выходить в журналах «Сын Отечества», «Московский телеграф» и др., но всегда под псевдонимом «Марлинский», которым Бестужев изредка пользовался до восстания 14 декабря 1825 года. Подлинное имя государственного преступника не должно было воскреснуть в русской литературе и публицистике! (10).

В те же годы писатель начал трудные хлопоты о замене сибирской ссылки на военную службу на Кавказе. Блестящий офицер, человек отчаянной храбрости А.А.Бестужев твёрдо решил добиться «перевода» на фронт боевых действий, где мог рассчитывать, что его геройские действия и подвиги дадут награды или офицерский чин. Оба эти условия давали право просить государева прощения, выхода в отставку и тем самым возвращения в общественную жизнь России.

Отчаянные мечтания подкреплялись попытками художественного обращения к кавказским сюжетам, извлечённым из хотя и запоздалой, но поступавшей к нему прессы и иных источников.

Так, не позднее 1825 года был написан и опубликован (без названия и подписи) в серии «Беседа у больного литератора. Вечер первый» рассказ «Подвиг Овечкина и Щербины за Кавказом», позднее доработанный и включённый в Собрание сочинений 1832-1834 гг.. В письме к К.А.Полевому автор признавался: «Я написал его со слов и неверно, но теперь поверил всё на месте...» (11).

Сюжет рассказа отражает истинную ситуацию вооружённой борьбы у стен Чирахской «крепостцы» в Дагестане против «десятитысячного полчища» воинственных кумыков и аварцев под началом Сурхай-хана Казикумыкского. В ходе яростного и жестокого сражения штабс-капитан Овечкин и поручик Щербина, неоднократно рискуя жизнью, покрыли себя неувядаемой славой, специально отмеченной генералом А.П.Ермоловым и боевыми наградами. Это, пожалуй, первый идейно-осмысленный прорыв

ссылки писателя в проблематику Кавказа. Он положил начало важной и весьма знаменательной литературной традиции.

В отечественном литературоведении нет споров о том, что «творческий интерес А.Бестужева-Марлинского к русскому солдату и армейскому офицеру действующего кавказского корпуса непосредственно предшествовал многим другим художественным поискам и находкам» (12). Недавно этот тезис в очередной раз получил подробное обоснование применительно к творчеству М.Ю.Лермонтова, Н.С.Мартынова, Е.Хамар-Дабанова и др. (13). В этом смысле названный рассказ имеет непреходящее значение и для прозы самого писателя.

Впрочем, появившись на Кавказе, А.А.Бестужев очень скоро начал погружение в местную проблематику. И это касается не только писем.

Известно, что для повестей писателя этого периода свойственны отголоски замысловатых сюжетов, пылкий, страстный и необузданный романтический герой. Отмечается продолжение художественной линии, свойственной его ещё додекабристскому творчеству, линии соединения и перешпегения картин реального мира с картинами в духе народной «демонической» фантастики.

Ярким образцом можно считать «Вечер на Кавказских водах в 1824 году», написанный в первой половине 1830 г. и напечатанный в №№ 27, 38, №39, 40, 41 газеты «Сын отечества и Северный архив» с пометкой: Дагестан, 1830 (продолжение обещано).

Произведение по своей хронологии как бы и вымышленное: в 1824 г. автор не был в районе Кавминвод, но он описывает своё посещение Кисловодска вместе с неким «казаком-извозчиком». Окружённый ошеломляющим кавказским пейзажем он решил провести здесь «день и другой, чтобы удовлетворить любопытству; посмотреть общество и увидеться с знакомыми». Войдя к вечеру «в залу гостиницы», он нашёл «двух добрых моих приятелей», после ужина с которыми оказался в составе

«десяти романтиков», вступивших в длительные разговоры, касающиеся самых разных тем. В литературе тех времён тонко подмечено: «в маленьких городах между горами, куда пропикало европейское образование, по ночам сходились пёстрые кружки больных воинов и приезжих гостей; мирно и сладко текли их беседы, оживлённые воспоминаниями о прошлых битвах, прошлых опасностях и прошлых привязанностях» (14).

Среди многих самых разнообразных, а иногда и причудливых сведений и фактов, приведённых А.Бестужевым-Марлинским, есть немало представляющих прямой историко-этнографический интерес, что может и должно стать предметом специальных комментариев. Но в данном случае обратимся лишь к двум важным деталям.

Автор попытался представить читателям социальный и этнический состав участников долгой и хмельной компании. Вообще-то считалось общепринятым и извинительным «поверхностное портретирование «массовки», поскольку её участники стали «общим местом» отечественной беллетристики» (15). Однако, в конкретном случае скрупулёзно указывается общественная принадлежность собравшихся (гвардеец, капитан Нижегородского драгунского полка, рязанский помещик, сотрудник дамского журнала, адъютант, прокурор, отставной полковник и его загадочный племянник, некий весьма состоятельный «сфинкс», артиллерист), причём каждый из них отмечен чисто индивидуальными портретными и характеристическими приметами, имеющими свои художественные ценности.

Вот лишь один пример. Активный фигурант и спорщик именуется «антикварием». В связи с обсуждением животрепещущего вопроса о былых «сокровищах» и «кладах», таящихся в земле, писатель вводит в канву рассуждений реплику некоего «археолога с готическим носом»: «Особенно, если найдутся старинные монеты, оружие, утвари, чудесные украшения или древние идолы...». Тем самым А.А.Бестужев бесспорно засвидетельствовал

свою осведомлённость в увлечении археологией, охватившей тогда разные слои российского обывателя (16).

Ограничившись пока сказанным и даже не затрагивая сути содержания, зловещих в массе своей устных повествований столь разношерстных героев, подчеркнём: первое собственное кавказское произведение А.А.Бестужева-Марлинского справедливо оценивается как «целая энциклопедия народной русской демонологии и святой обрядности» (17).

Совершенно иным по характеру и содержанию является «Письмо к доктору Эрману», опубликованное в №17 «Московского телеграфа» за 1831 г. с пометкой: Дагестан. 1831.Январь.

Крупный знаток жизни и творчества А.А.Бестужева-Марлинского П.А.Сидорова поясняет: «Эрман Георг-Адольф (1806-1877) – известный немецкий физик. В 1828-1830 годах совершил путешествие вокруг света для наблюдения над земным магнетизмом под различными широтами и долготами. В начале 1829 года посетил Якутск, где в это время находился в ссылке А.А.Бестужев-Марлинский. Бестужев старался быть полезным учёному в его работах и сам увлёкся магнетическими исследованиями. Он подробно рассказал Эрману о декабрьском восстании 1825 года и вызвал в нём глубокую симпатию к делу и судьбе его участников. Эта встреча, а также рассказы о ней самого учёного послужили источником для поэмы известного немецкого писателя Адальберта Шамиссо (1781-1838) «Изгнанники» (1832), в первой части которой дан вольный пересказ отрывка из поэмы К.Ф.Рылеева – «Войнаровский», а во второй – изображена судьба декабриста А.Бестужева. О существовании письма Бестужева Эрман узнал лишь после его опубликования» (18).

Само «письмо» было задумано ещё в Сибири, но, похоже, писалось уже по приезду на Кавказ. Об этом можно судить по небольшой преамбуле, с которой оно начинается, а также по первому же авторскому примечанию.

Весь текст этого пространныго письма выдаёт незаурядность личности А.А.Бестужева. Написанное по-французски, оно на свои 20 страниц печатного содержания имеет более двух десятков конкретных авторских примечаний, не считая полсотни фактических справок издателей, сопровождающих произведение. Уже они одни передают широчайший круг энциклопедических знаний и интересов писателя в разнообразных научных сферах.

Большая часть таких, так или иначе, связана с «докавказским» прошлым и опытом. Однако, с первых же абзацев появляются и впечатления, описания, размышления на тему своего нового местопребывания.

Бесценны путевые знания, накопленные «от холмов Саянских» до появления «под тенью Эльбруса и Бештау. Откуда обновилась боевая жизнь моя».

Исключительно содержателен историко-этнографический этюд, посвящённый дороге из Владикавказа в Грузию, где «над головой путника вьётся разбойник воздуха – орёл, там рыщет разбойник лесов – волк и разбойник гор – черкес, припав за камнем, готовит им и себе добычу». Попытка осмыслить окружающий мир с позиции вопроса «Скоро ли настанет время, когда елей просвещения смоет кровь с крутин Кавказа и обратит сынов его, героев-разбойников, в миролюбивых оратаев?», заставляет прибегнуть к воплощению почти документальных фактов и событий, наблюдаемых в 1829 г. и чётко ассоциирующихся с художественными зарисовками предшественников на стезе литературного познания Кавказа, таких как, например, В.А.Жуковский (19) и А.С.Пушкин (20). Личное знакомство с трассой и округой Военно-Грузинской дорогой разнообразно повлияло на творчество А.А.Бестужева.

Вскоре вслед за тем в «письме» появляется компактный, но весьма информативный этюд «о племенах Кавказа», о которых «так много вздор

говорили путешественники, и так мало знают их соседи – русские...». Описываются внешний вид, стать и красота горцев и горянок, незавидное положение женщин и специфика общественного поведения: «они (женщины) исправляют все домашние полевые работы; мужья ездят на грабёж или, куря трубку, целый день стругают кинжалом палочку; самая созерцательная жизнь». Сообщаются и некоторые иные достоверные сведения, подтверждающие пристальный и глубокий интерес автора к достоверной этнографии обитателей Кавказских гор (21). Это свойство пронизывает всё последующее творчество писателя-декабриста.

Не скупится автор и на картины своих перемещений и военных эпизодов рядового солдата на довольно долгом пути от «тёплых ключей Тифлиса» (вряд ли он отдаёт себе отчёт, что последующая лингвистическая наука производит этот топоним от индоевропейского «теплица»!) до «берега Каспия, этого солёного озера, не подверженного лунатизму (то есть в нём нет ни приливов, ни отливов)», где надолго оказался в гарнизоне «Дербента, города с историческим именем и с грязными улицами». Восхищаясь природой и местными достопримечательностями, подчёркивает: «климат здешний губителен для сынов Севера», делится своим мнением о мусульманстве, чертах ментальности черкесов, персиян, турок, курдов; поёт хвалу «учёным и науке» («отрадно сердцу, что и отчизна моя (от Иркутска до Каспийского моря и Арарата, - авт.) стала предметом исследований»). Здесь же не без горького юмора описывает собственное незавидное положение: «...что я делаю? По совести я отвечал бы: ничего. Да как и делать? Ни книг, ни досуга. По чёткам памяти перебираю, что знал, что любил; на крыльях воображения порываюсь порой в то, что хотел бы узнать (и т.д., - авт.)».

В конце послания сердечно и тепло прощается с адресатом, воздав должное его учёной семье.

Предложенный далеко не полный обзор первых «Кавказских произведений» ссыльного литератора-солдата передаёт в какой-то мере характер приспособления, адаптации невольного странника к экзотическому, во многом таинственному краю его Родины и формирует (хотя бы от части) представление о том, как происходило накопление конкретного опыта, воплотившегося, в частности, в первой крупной и концептуальной для всего наследия А.А.Бестужева-Марлинского кавказской повести «Аммалат-бек».

Примечания:

1. Веленгурин Н. Дорога к Лукоморью. От Пушкина до Горького. Писатели в нашем крае. – Краснодар, 1976, с.101.
2. Бестужев-Марлинский А.А. Собрание сочинений в двух томах. Том 1. – Москва, 1958, с. 299.
3. Там же, с.305
4. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. В двух томах. Том 1. – Москва, 1980, с. 381.
5. Бестужев-Марлинский А.А. Собрание сочинений... Т.1, с. 307.
6. См., например: Бескровная Е.А. Познание Кавказа: строки из писем А.А.Бестужева-Марлинского // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Четвёртой международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. – Краснодар-Армавир, 2004, с. 62 и сл.
7. Об этом см.: Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. «Болтая по-татарски...» (каким из кавказских языков владел писатель). Этюды о А.А.Бестужева-Марлинском на Кавказе. – Москва-Армавир, 2008, с. 23-27.
8. См., например Виноградов В.Б. Декабристы и Кавказ (до восстания 1825 года). // Сборник статей. – Грозный, 1964, с. 64-78; он же. Начало кавказской темы в русской литературе // Русская литература и Кавказ. – Ставрополь, 1974, с. 3-25; Виноградов В.Б. Из плена односторонности и иллюзий относительно российских «образов Кавказа и горцев» (предварительные заметки) // История и культура

-
- народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 9. – Пятигорск, 2008, с. 196-204. (Там же и дополнительная библиография).
9. См., например: Филин М.Д. Люди императорской России (из архивных изысканий). – Москва, 2000, с. 131-208, а так же: Виноградов В.Б., Телепень С.В. Линейные казаки и черкесы Пятигорья в дневнике Ф.И.Кабанова 1832 г. // Из истории культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Четвёртой ... конференции, с. 59-61.
  10. Бескровная Е.А. Некоторые аспекты жизни и творчества А.А.Бестужева-Марлинского на Кавказе. Выпускная квалификационная работа. – Армавир, 2006, с. 12 и сл.
  11. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинение в двух томах. Том 1. Повести. Рассказы. Очерки. – Москва, 1958, с.604.
  12. Виноградов Б.С. Кавказ в творчестве Л.Н.Толстого. – Грозный, 1959, с. 13-14.
  13. Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. «Настоящий кавказец» М.Ю.Лермонтова как историко-литературное явление // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 8. – Пятигорск, 2007, с. 64-68.
  14. См. об этом: Очман Александр. Светлые дни. Александр Дружинин и Кавказские Минеральные Воды. – Пятигорск, 2008, с.56.
  15. Это подчёркивает, например, авторитетный рецензент А.Рыжов: Библиотека для чтения. 1855, №6, отд. 1V, с. 40.
  16. Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. Этюды о А.А.Бестужева-Марлинском на Кавказе. – Москва-Армавир, 2008, с.14-15.
  17. Бестужев-Марлинский А.А. Собрание сочинений в двух томах. Том 1, с. XXXV111.
  18. Там же, с. 614.
  19. См., например: Кавказ в русской поэзии. – Ростов-на-Дону, 1986, с. 9-11.
  20. См.: История Кубани в русской художественной литературе (досоветский период). Часть 1. Хрестоматия. – Армавир, 1996, с. 32-51; Виноградов Б.С. О поэме «Тазит» и цикле кавказских стихотворений А.С.Пушкина // Кавказ в русской литературе ..., с. 23 и сл.
  21. См., например: Народы Кавказа. Т.1. Москва, 1960; Энциклопедия культур народов Юга России. – Ростов-на-Дону, 2005.

**II. Историко-этнографические сведения в зачине
повести «Аммалат-бек»
(анатомия конфликта в контексте «российскости»)**

А.А.Бестужев работал над своей первой, самой популярной у читателей России повестью несвойственными ему медленными темпами. В письме от 20 мая 1830г. он упомянул о начале своего труда. Более, чем через год, сообщил Н.А.Полевому, что написано всего 4 главы из задуманных 14 (9 июля 1831 г.). Параллельно они и были высланы. В начале августа отправил в «Московский телеграф», ещё пять глав, а 26 сентября – окончание повести, вместе с финальным примечанием, о котором писал: «Чтобы не разрушать занимательности романической, примечание можно поместить номером после».

Текст повести «Аммалат-бек» был опубликован в «Московском телеграфе» 1832 г. в №№ 1,2,3,4 за подписью Александр Марлинский. Весьма существен подзаголовок произведения: Кавказская быль, посвящённая Николаю Алексеевичу Полевому. Как и эпиграф: Будь медлен на обиду – к отмщению скор! Надпись дагестанского кинжала.

13 августа 1831 г. автор писал Н.А.Полевому о повести: «Это истинное происшествие, и я от себя прибавил только подробности ...». Так же и в примечании: «Описанное выше происшествие не выдумка. Имена и характеры лиц сохранены в точности: автору повести остаётся только сказать несколько слов насчёт изменения истины в некоторых подробностях» (с. 423-548, 622-628) (1). Впрочем, последнее для нашего анализа мало существенно.

В беспрецедентном коллективном обобщающем труде «История народов Северного Кавказа, конец XVIIIв. – 1917 г.» (2) первая глава, охватывающая 1799-1829 гг., обозначается как «завершение вхождения

Северного Кавказа в состав России» (3). Этот важнейший этап местного исторического процесса рассматривается, прежде всего, под углом зрения проблемы нарастания российско-северокавказских отношений в международной панораме 1-й трети XIX в. Подобный подход получил в последующие годы веское научное подтверждение и дальнейшее развитие на примерах всех территориальных составляющих региона – от Чёрного моря до Каспия (4), что и позволяет им уверенно руководствоваться, принимая во внимание аксиому - принципиальный тезис о прогрессивной роли России в судьбах населения Кавказа (5).

Однако сама проблема российско-северокавказской интеграции продолжает оставаться крайне дискуссионной, вызывая острую полемику в обсуждении разных подходов к реализации явных и скрытых смыслов важнейшего явления в прошлом нашего отечества (6).

В этой связи необходимо считаться с тем, что, начиная с 1993 г., в научный обиход активно внедряется дефиниция «российскость» (7), получившая солидную аргументацию и подразумевающая длительное и сложное, но поступательное и обоюдомотивированное, преобладающее мирное и прогрессивное сращивание народов пространств Кавказа с многонациональным Российским государством (8).

В повести «Аммалат-бек» А.А.Бестужев-Марлинский переносит читателей в 1819 г. События начинаются на исходе весны, в мае. Опираясь более всего на воспоминания очевидцев, автор события 1819-1823 гг. уплотняет « в два года», извиняясь перед читателями в итоговом примечании. В любом случае это – эпоха противоречивого, но блистательного владычества на Кавказе генерала А.П.Ермолова (9).

В жизни региона, в том числе и Дагестана, где разворачиваются исходные события, это было очень непростое время: местные народы и их правители трудно и достаточно медленно приспосабливались к новым

условиям своего пребывания уже в составе Российской империи. В местной общественной среде сосуществовало два направления. Кто-то принимал правила государственного российского общежития, хотя и не всегда искренне. Другие не хотели и не могли жить по новым законам. С описания одной из острых ситуаций и начинается интересующая нас повесть.

Уже на первых страницах появляется «русский след»: среди участников горского ристалища фигурирует «серебряный рубль», высоко подброшенный «на воздух» нукером и метко поражённый из ружья Аммалатом. Несколько ниже речь идёт о золотом русском «червонце». Даже этого достаточно для того, чтобы утверждать: округа «Буйнаков, обширного селения в Северном Дагестане» входила в общесеверокавказскую зону распространения и использования российских денежных чеканов (10). Это существенный знак включения Прикаспия в товарно-денежные отношения России.

Позволим себе здесь небольшое отступление.

Мы недостаточно знаем всю полноту литературно-общественной жизни России первой трети XIX в. Однако некоторые нюансы и наблюдения напрашиваются. Так, в 1829 г. состоялась публикация первого, пожалуй, русского романа на кавказскую тему, написанного В.Нарежным и вызвавшего немалый читательский отклик (11). Надолго забытый, он вновь привлёк внимание в наши дни (12). Вряд ли А.А.Бестужев «прошёл мимо» своего современника – «замечательного и оригинального таланта» (В.Г.Белинский). Но как разительно отличается это историко-фантастическое произведение от «Кавказской были» А.А.Марлинского, хотя созданы они в значительной мере на схожих материалах о русско-северокавказском знакомстве...

Вернёмся к сюжету повести. Она открывается фразой: «Была джума», и автор тут же объясняет, что это – мусульманское воскресенье,

выпадающее на «нашу» пятницу, и имеют все прочие дни «магометанской недели», соотнося их с русскими обозначениями. Отсюда текст и примечания к нему веско свидетельствуют о большой профессионально-культурной и общеисторической осведомлённости Марлинского. Само описание времяпровождения «татар» в день «джумы» - прекрасный этнографический этюд с весьма реалистическим описанием местной экзотики и самого Аммалат-бека – «племянника тарковского шамхала», т.е. сановитого, знатного и богатого дагестанского (кумыкского) феодала, окруженного преданной «свитой» из «двадцати пукеров» (т.е. прислужников, «всегда и везде» находящихся при господине).

В «татарском» собрании на окраине Буйнаков всё происходит по установленным правилам. Но «вдруг загремели русские барабаны, и штыки русских солдат засверкали из-за холма. То была рота Куринского пехотного полка, отправленная из отряда, ходившего тогда в Акушу, возмущённую Ших-Али-ханом, изгнанным владельцем Дербента. Рота сия должна была конвоировать обоз с продовольствием из Дербента, куда и шла горною дорогою. Ротный командир, капитан, и с ним один офицер ехали впереди...». Не предполагая ничего плохого, «не доходя до ристалища, ударили отбой, и рота стала, сбросила ранцы и составила в козлы ружья, расположась на привал, но не разводя огней».

Тут же автор поясняет, что «прибытие русского отряда не могло быть новостью для дагестанцев в 1819 г.», хотя и не доставляло им радости в силу отнюдь не должного понимания своего подчинённого положения перед российской администрацией, порождавшего «неприятнь под личиною доброхотства».

«При появлении русских» проявились разные и весьма выразительные реакции среди собравшихся татар. «Женщины окольными тропинками потянулись в селение, не упуская, однако ж, случая взглянуть украдкой на

пришлецов». Мужчины «стали сходитья кучками, разумеется потолковать, каким бы средством отделаться от постоя, от подвод» и других обычных, но обременительных повинностей. Но «множество зевак и мальчишек окружили русских, отдыхающих на травке. Несколько кекхудов (старост) и чаушей (десятников), назначенных русским правительством, поспешили к капитану и, сняв шапки, после обычных приветов: хош гяльды (милости просим) и яхшимусен, тазамусен сен-немамусен (как живёшь – можешь), добрались и до неизбежного при встрече с азиатцами вопроса: «что нового? на хабер?».

Обычное обрамление встречи несколько неожиданно для обеих сторон осложнилось диалогом-спором между капитаном, изъяснявшимся «довольно чисто по-татарски» и местным кузнецом, к которому офицер сперва дружелюбно обращается: «Кунак (как бы «дружище», - авт.) подкуй мне коня!... Подковы есть готовые; стоит брякнуть молотком, и дело кончено в минуту... Я заплачу тебе за труды что хочешь...». Но кумык не хочет потрудиться в день «джумы», в полном согласии с исконным порядком правоверного мусульманина.

Обмен мнениями затянулся, приобретая всё большую остроту, причём некоторые окружающие «смельчаки, надеясь на число, надвинули шапки на глаза и, держась за рукояти кинжалов, подле самого капитана стали кричать: «Не куй, Алекпер, не делай ему ничего! Вот тебе новости! Что нам за пророки эти немытые русские!».

Назрел прямой конфликт, требующий своего разрешения.

Автор, характеризуя офицера, бросает важную реплику: «Капитан был отважен и знал очень коротко азиатцев». Поэтому он, разгневавшись, обратился к открытым угрозам, «подкреплённым штыками нескольких солдат». Это «увещание подействовало мгновенно: кто был поробче – давай бог ноги, кто посмелее – прикусил язык», а набожный кузнец, «видя,

что дело идёт не на шутку, поглядел на все стороны, проворчал: «Неждемим (что ж мне делать)?», засучил рукава, вытащил из мешка клещи и молот и начал подковывать русскую лопадь...».

Важно заметить, что «всё это происходило за глазами «Аммалата: он, едва завидел русских, то, избегая неприятной для себя встречи, сел на только что новоподкованного коня и поскакал в дом свой, над Буйнаками стоящий».

Ситуация разрядилась, но тут подъехал тяжёловооружённый всадник с пятью нукерами. «По запылённой их одежде, по коням в поту и в пене виделось, что они совершили скорый и дальний переезд». Въехав в место едва не случившейся вооружённой стычки, всадники вызывающе опрокинули две пирамиды ружей и стали «дерзко топтать упавшее оружие». Часовой и окружающие солдаты, «раздражённые таким презрением от мусульман, окружили поезд с бранью». Часовой попытался установить личность прибывшего и услышал в ответ: «Ты, видно, рекрут, когда не узнал Султан-Ахмет-хана Аварского. Кажется, в прошлом году я задал русским в Башлах по себе славную поминку. Переведи ему это, - сказал он одному из своих нукеров. Аварец повторил его слова по-русски довольно понятно», чем доказал ещё раз обычность межэтнического двуязычия в этой области утверждающихся российских владений.

Солдаты отреагировали мгновенно: - «Это Ахмет-хан! Ахмет-хан.... Лови его, держи его! Тащите его на расплату за башлинское дело.... Бездельники изрубили наших раненых!».

Автор повести разъяснил в очередном примечании: «Тогда отряд наш, состоящий из трёх тысяч человек, окружён был шестьюдесятью тысячами горцев. Там был Уцмий Каракайдахский, аварцы, койсубулинцы и другие. Русские пробилась ночью – и с уроном». Это - драматический эпизод очередного вооружённого мятежа, возглавленного крайне неустойчивыми в

добровольно принятом российском подданстве феодальными правителями Дагестана, умело манипулирующими собственными выгодами и традиционной ментальностью подвластных им людей, ещё не обустроившихся в государственных границах и укладе.

Весьма выразительна краткая речь самого Ахмет-хана произнесённая чуть позднее перед капитаном, охарактеризовавшим его поступок как измену.

« - Изменник я, говоришь ты? Скажи лучше, что я не хотел быть изменником тем, кому обязан верностью. Русский падишах (т.е. император, царь, - авт.) ласкал меня и я был верен, покуда от меня не потребовали невозможного или унижительного (далее излагается толкование конкретной ситуации неприемлемой для него, - авт.)... Я отказался от дружбы русских, но ещё не был врагом их, и что же было наградой за моё доброжелательство, за добрые советы? Я был лично, кровно обижен письмом одного вашего генерала, когда предостерегал его. Ему дорого стоила в Башлах дерзость.... Реку крови пролил я за несколько капель бранчивых чернил, и эта река делит меня навечно с вами».

Этот монолог достоин особого разбора, что позволит отделить объективно возникающие проблемы от своекорыстного лукавства, которое не мешает Ахмет-хану в его словесной стычке с солдатами: - «Прочь грубиян – вскричал Султан-Ахмет-хан по-русски рядовому. – Я русский генерал!!! И услышал русский же ответ: - «Русский изменник! Ведите его к капитану, потащим его в Дербент, к полковнику Верховскому!»...

Мятежнику и его нукерам удалось удалиться из взрывоопасного места, и «отскакав не более как шагов на сто, хан снова поехал шагом, не оглядываясь назад», но внимательно наблюдая вокруг себя и тут же найдя повод для нового обострения ситуации.

Притом, свои зажигательные, воинственно-антирусские речи и призывы он провозглашал, сплотив вокруг не тех, «которые были поробче или посмирнее», не желая ссоры с русскими. «Зато все головорезы, все бездельники и все, которые с досадой смотрели на владычество русское, окружили его весёлою толпой».

Подстрекательные слова Ахмет-хана «возмутили толпу. Татарское самолюбие было тронутο живо... Смятение росло», обещая вылиться в прямое столкновение горцев с русскими солдатами.

«Довольный возбуждением мятежа, Султан-Ахмет-хан не желал, однако ж вмешиваться в ничтожную схватку и выехал из толпы, оставив там двух нукеров для поддержания духа запальчивости между татар, и с двумя остальными быстро поскакал в утах (дом) Амалата», имея свои далеко идущие и опасные планы в русле противопоставления положений «фермана (т.е. предписаний, - авт.) русского пристава» «святым главам из Курана». И с первых же мгновений встречи с Амалат-беком подстрекает его на открытый разрыв с властями.

Когда появился миролюбивый и здравомыслящий эмджек (т.е. молочный брат Амалата, - авт.) с известием, что «буйнаки возмутились» и «толпа буйнов осыпала роту солдат и завела перестрелку из-за камней», хозяин дома возмутился, требуя у приближённых унять своих подданных любыми средствами. Но Сафир-Али возразил: - «Я уже унимал их, - да никто меня не слушает, потому что нукеры Султан-Ахмет-хана поджигают их, говорят, что он советовал и велел бить русских», причём не только говорили, да и примером ободряли».

С этого момента хан-провокатор открылся полностью, призывая остро встревоженного Амалата: - «Сабли наголо, и пойдём искать русских...».

Искать не пришлось: - «Они здесь! – возгласил капитан, который с десятью человеками пробился сквозь нестройные ряды татар в дом владельца

Смущённый неожиданным бунтом, в котором его могли счесть участником, Аммалат приветливо встретил разгневанного гостя.

- Приди на радость, - сказал он ему по-татарски...».

Но, выполняя свой служебный долг, офицер не принимает любезного тона: «... меня встречают в Буйнаках не по-дружески. Твои татары, Аммалат-бек, осмелились стрелять в солдат моего, твоего, общего нашего царя!». И, указывая на вызывающе разлётшегося хана, «сказал с гневом: - Вот причина всему злу, Аммалат. – Без этого дерзкого мятежника ни один курок небрякнул бы в Буйнаках! Но и ты хорош, Аммалат-бек. Зовёшься другом русских и принимаешь врага их как гостя, укрываешь как товарища, честишь как друга. Аммалат-бек! Именем главнокомандующего требую: выдай его».

Хозяин дома решительно отказывает: « у нас гость – святыня. Выдача его... - на мою душу грех, на голову – позор некупимый; уважьте мою просьбу, уважьте наши обычаи».

Капитан приводит свои доводы: «вспомни русские законы, вспомни долг свой, ты присягал русскому государю, а присяга велит не жалеть родного, если он преступник.

- Скорее брата выдам, чем гостя капитан.... За моим порогом, под моей кровлею я обязан быть его защитником, и я буду им!

- И будешь в ответе за этого изменника!...».

Взаимные доводы не убеждают и разгневанный капитан готов схватить хана рукой: «... ты не уйдёшь от мести за кровь, разбойник! – А ты от меня, - возразил вспыхливающий хан, вонзая кинжал в живот капитана».

Аммалат-бек потрясён: «Ты погубил меня, произнёс, всплеснув руками, - он русский и гость мой». Тяжкое осознание двойной виноватости натывается на «рецепт» всё того же Ахмет-хана: - «Кости судьбы выпали: колебаться не время: запирай ворота, скличь своих и ударим на неприятеля».

«В отчаянии вскричал Сафир-Али. – Народ разбежался! Русские идут в гору скорым шагом. Они уже близко!!».

Всё решает заветная реплика хана-подстрекателя: « - Если так, то поезжай со мной, Аммалат. Я ехал в Чечню, чтобы поднять её на Линию... Согласен ты?

- Едем! ... решительно сказал Аммалат. – Теперь мне одно спасение в бегстве... Гей, коня, и шесть нукеров за мной!»...

Так реализовался коварный замысел Ахмет-хана, умело и хитро подведённый к своей кульминации. Обеспечив участие на своей стороне видного кумыкского владетеля, он в корне изменил его судьбу, обрёл на все последующие действия, проступки и жизненные испытания.

В истории Дагестана и всего Кавказа это далеко не единственный пример того, как мучительно трудно, противоречиво, конфликтно протекало взаимное «притирание» участников неотвратимых событий в новых южных границах («азиатских пределах») Российской империи (13). Оно проходило под знаком той самой «российскости», которая так многократно высветилась в начальной главе повести А.А.Бестужева-Марлинского, воспроизведённой в соответствующих цитациях и комментариях текста. Прежде такой подход не предпринимался.

Остаётся добавить, что в процессе разработки концепции добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав России (а это более 30 лет) для обозначения тесных дружелюбных, приятельных взаимоотношений между народами в рамках складывающегося

государственного единства стал употребляться термин из документов XVIII-XIX вв. – «совместничество» (14). Его позитивное объединяющее значение неоспоримо, что и отражено в многочисленных современных толковых и синонимических словарях русского языка П.Ушакова, С.Ожегова, З.Александровой и др. (15). «Совместиться» - это значит действовать вместе, соединёнными усилиями, сообща, заодно и т.п.

В сегодняшнем историческом кавказоведении понятие «совместничество» часто используется как отражение главного консолидирующего смысла «российскости», что, по сути, совершенно справедливо. Но, полагаем, следует считаться и с тем, что в наиболее ранних «толковых словарях великорусского языка» (16) в исключительно широком спектре производных слов и понятий от «совмещать, совместить что с чем, вмещать, или помещать вместе в одном общем объёме или вместилище» есть и такое определение: «совместник, -ница, соперник, соревнователь, состязатель, соискатель» и даже «противник, спорящий с кем-либо, либо за обладание чем, или для достижения чего, оспаривающий первенство, добывающийся одного и того же, что и другой».

Термин «совместничество» применяет в своей повести и А.А.Марлинский (с. 518), вкладывая его в уста Султан-Ахмет-хана при оценке характера отношений между ним и кумыкским беком. Тут он более всего обозначает близость, подельничество в стремлении к достижению сходных, но отнюдь не идентичных и не бесконфликтных целей, что даётся с немалым трудом.

Подобные семантическое многообразие и сложность отражают специфику того исторического бытия, которую художественными методами пытался воспроизвести в своём творчестве А.А.Бестужев-Марлинский, в том числе в повести «Аммалат-бек» (17).

Назревшее уяснение всей многомерности столь протяженного и полифакторного процесса как утверждение «российскости» становится первостепенной задачей (18). Она подразумевает максимальное привлечение предельно доступного объёма источников. Среди таковых произведения литературных первопроходцев художественно-исторического «открытия Кавказа» вправе занять достойное место (19).

Примечания:

1. Здесь и ниже все текстовые сноски даются по: Бестужев-Марлинский А.А. Сочинение в двух томах. Том 1. Повести. Рассказы. Очерки. – Москва, 1958.
2. История народов Северного Кавказа, конец XVIII в. – 1917 г. – Москва: Наука, 1988.
3. Там же, с. 9-54.
4. См., например: Б.В.Виноградов. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. – Славянск-на-Кубани, 2005; Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства. – Ростов-на-Дону, 2006; Кипкеева З.Б. Народы Северно-Западного и Центрального Кавказа: миграция и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – Москва: Издательство Ипполитова, 2006; Рябиков А.Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века. – Славянск-на-Кубани, 2008.
5. См., например: Виноградов В.Б. Академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий. – Москва; Армавир, 2007 (там и историческая оценка).
6. См. например: Дискуссионные аспекты проблемы российско-северокавказской интеграции. – Армавир, 2005; Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Вып. 11. – Москва; Армавир, 2008; Материалы научной конференции «Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы». – Армавир, 2008.
7. Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. – Армавир, 1993.
8. Обзор и интерпретация широкого круга специальной литературы см.: Великая Н.Н. Российскость как парадигма российско-кавказского единства // Южнороссийское

обозрение. Вып. 45. – Ростов-на-Дону, 2007; она же. О преемственности развития отечественной исторической науки // Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 14. – Москва; Армавир, 2008, с. 47-60.

9. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П.Ермолова на Северном Кавказе. – Ессентуки, 1990; Дударев С.Л. Образ А.П.Ермолова на рубеже XX-XXI вв. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Краснодар-Армавир, 2008, с. 149-153.

10. См., например: Виноградов В.Б. Судьбы древних монет (Опыт лирической нумизматики). – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982; Виноградов В.Б., Березин Я.Б., Савенко С.Н. О чём рассказывают монеты // Ставрополье, 1983, №4, с. 113-118; Виноградов В.Б., Деппуева А.Б. Монетные находки и клады на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII в.) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. – Грозный, 1987, с. 75-89; они же. Старинные монеты – свидетели прошлого. – Нальчик: Эльбрус, 1990; Виноградов В.Б., Хушт М.А. Новые случайные монетные находки из Адыгеи. – Армавир-Тахтамукай, 2003; Виноградов В.Б., Дьяков И.А. Очерк накопления европейско-российских монетных находок XV-XVIII вв. на Северном Кавказе. – Москва; Армавир, 2007.

11. Нарезный Василий. Чёрный год или горские князья. – Санкт-Петербург, 1829; 1836; Нальчик, 2006 (последнее издание следует отметить особо).

12. См., например: Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. Из эпизодов «лермонтовского Кавказа». – Москва-Армавир, 2007, с. 8-15; Виноградов В.Б. Послесловие к предисловиям (актуальные заметки по регионоведению) // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы 16-й всероссийской конференции. – Армавир, 2008, с. 62-64.

13. См., хотя бы, обширную библиографию, которой снабжён приводимый выше том «Истории народов Северного Кавказа», а также, например: История Дагестана с древнейших времён до наших дней. – Махачкала: «Юпитер». 1997; Алиев Б.Г., М-С.К. Умаханов. Историческая география Дагестана XVII-нач. XIX в. (Книга I). – Махачкала, 1999; Кидирниязов Д.С. Северо-Восточный Кавказ в русско-турецких и русско-иранских отношениях на рубеже XVIII – XIX веков // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 180-летию присоединения Карачая к России. – Карачаевск, 2008, с 278-288.

14. См. об этом: Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство. – Грозный, 1980; Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. Вхождение Чечено-

Ингушетии в состав России // История СССР. 1980. №5, с. 48-63; Вехи единства. Сборник статей в честь 200-летия добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982.

15. В качестве примера можно обратиться к толковым словарям названных авторов, включая: Словарь синонимов русского языка. Практический справочник (6-е издание, переработанное и дополненное). – Москва: «Русский язык», 1989, с. 413.

16. См., например: Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. Том четвёртый. Р. – В. – С.-Петербург-Москва, 1882, с. 255 (этот уникальный труд издавался с 1863-1866 гг.).

17. Об этом: Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. Этюды о А.А. Бестужева-Марлинском на Кавказе. – Москва-Армавир, 2008.

18. Клычников Ю.Ю. Многолика российскость // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Краснодар-Армавир, 2008, с. 53-59; Великая Н.Н. Российскость в изучении региональной истории // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость. Материалы международной научной конференции. – Иваново: Изд-во «Ивановский госуниверситет», 2008, с. 157-160; Голованова С.А. Российская составляющая самосознания казачества Юга России // Там же, с. 160-164.

19. Первые (весьма неоднозначные!) шаги в этом направлении наметились среди историков, озабоченных попытками отказаться от прямолинейных конфронтационных подходов к толкованию российско-кавказских взаимоотношений кризисного этапа их развития (см., например: Абдурахманов Д.Б., Гапуров Ш.А., Магомаев В.Х. Чечня в кавказской политике России в начале XIX века // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического развития. Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 180-летию присоединения Карачая к России. I. – Карачаевск, 2008, с. 3-18). Но это – только начало долгого и трудного пути!

III. Личные чувствования героев в экспозиции произведения (главы II и III).

Латинское *expose* – изложение, объяснение – имеет своим первосмыслом часть литературного произведения, в которой характеризуется обстановка, предшествующая началу действия (1). В этом смысле понятие «экспозиция» уместно при историко-этнографическом комментарии двух последующих глав повести Марлинского ...

Очередной грабительский набег на Кавказскую Линию (2) с участием Султан-Ахмет-хана и Аммалат-бека успешно отражён. «Хищники» (так их тогда называли) разгромлены и понесли тяжкие потери. Наши персонажи обходными тропами возвращаются через Чечню, объезжая селения. Они погружены «в неприятные воспоминания...; в чёрные думы». Они избегают контактов с горцами, чьи родичи и соседи, «поднятые» неистовым аварским ханом, «тлеют теперь на полях русских, и жёны казаков продают на базаре их оружие».

По местным адатам (законам обычного права), оставить убитых во власти победителей – это горький позор, непростительный грех (3). Достаточно напомнить сюжет фольклора, положенный в основу лермонтовского «Беглеца» (4).

Притом, если «татарский» (кумыкский) бек опасно ранен и изнемогает, то его старший спутник здоров и озлоблен на весь свет кроме самого себя. Его «гордый взор вызывал, казалось, на бой судьбу и природу; мрачная улыбка досады, смешанной с презрением, сжимала уста...». На тихий вопрос измученного тяготами долгого бегства юноши о том, почему они скрываются от встречного населения, следует весьма характерный ответ: «... Рука судьбы отяготела над нами: мы разбиты и прогнаны, сотни храбрых горцев, твои и мои нукеры легли в битве с русскими... и показать чеченцам побеждённое лицо Султан-Ахмет-хана, которое привыкли они видеть звездой победы, явиться посреди их беглецом, быть вестником

своего позора, принять нищенское угощение, может быть слышать укоры за гибель мужей и сынов, увлечённых мною в дерзкий набег, - значит навсегда потерять их доверие. Пройдёт время, слёзы высохнут, жажда мести заменит тоску по убитым, и тогда снова увидят они Султан-Ахмета, пророка добычи и крови, тогда снова раздастся в этих горах призыв к бою, и снова поведу я летучие толпы мстителей в русские границы. Приди я теперь, и в пылу огорчения чеченцы не рассудят, что аллах даёт и отнимает победу... Они могут, пожалуй, обидеть меня дерзким словом, а мои обиды неискупимы, и личная месть может загородить широкую дорогу на русских. Зачем же накликать себе ссору с храбрым народом и сокрушать идола собственной славы, на который привыкли они глядеть с изумлением?».

Аммалат признателен, «но слабость одолевала его с каждым часом».

Их потаённое странствие продолжалось ещё целую ночь. Автор знакомит читателей с множеством местных деталей. Он описывает «муллу Гаджи-Сулеймана, набожного турка (с ленивой неподвижностью турецкого характера), одним из ежегодно насылаемых в горы стамбульским диваном (правительством) для распространения и укрепления православия (в данном случае – ислама, - авт.), а с тем вместе и ненависти к русским». Это имеет под собой вполне реальные исторические основания (5). Дан правдивый образ Нефтали – «стройного чеченца с подстриженной бородкой в мохнатой шапке, закрывающей пол-лица» (6), неудачно попытавшегося исполнить священный у горцев долг гостеприимства, но грубо оборванный Султан-Ахмет-ханом и повергнутый в шок известием: «твой отец убит вчера за Тереком».

Здесь и выразительнейшие пейзажные зарисовки, и россыпь точных этнографических сведений (о походной пище горцев, о положении женщины в дагестано-мусульманском быту; сцена привычной аварской междоусобицы, возникшей «за какую-нибудь украденную корову, которую не хотели отдать», а теперь втянувшей в огневой конфликт соседние

селения»; неоднократные антирусские реплики хана, втягивающего в них Аммалата; безусловное на личном уровне признание постыдности бегства из боя и оставления мусульманского «праха под ногой христианина» и масса других достоверных деталей, зафиксированных источниками (7), и составляющими все вместе довольно яркий портрет горской ментальности, отчасти суммируемого такой характеристикой: «все нежные и все злобные чувства так легко играют душой *азиатца!*». Именно последнее определение навсегда поселается в текстах Марлинского как общая оценка этнокультурной и психологической данности кавказцев...

Совершенно обессиленный раной и дорожными невзгодами «юный бек, истощенный кровью, утомленный путём, голодом и душевной тоскою», наконец «без чувств упал на узорные ковры ханского укрепленного дома в Хунзахе» – столице Аварии. Далее (в главе III) события разворачиваются следующим образом.

«Аммалат пришёл в память на заре...». Сквозь полуобморочное состояние он «послышал тихие, осторожные шаги по коврам спальни. Он приподнял тяжёлые веки, и сквозь сеть ресниц» увидел чудную девушку в дорогом убранстве, которая заботливо ухаживала за ним. Подумалось: «Это сон!». Но нет...

«Прелестная эта девушка была шестнадцатилетняя дочь Султан-Ахмет-хана...». И тут же писатель даёт обстоятельный и весьма достоверный этюд о достаточно свободном семейно-общественном положении у горцев незамужних женщин, а тем более любимицы ханского семейства. Её звали Селтанет, и тяжёлое состояние измученного, но красивого и терпеливо переносящего страдания юноши, вселили в неё (впервые!) чувства интереса и симпатии. «Наконец она решилась дрожащим голосом спросить его о здоровье». Так предшествующий «диалог глазами» перешёл в «речевой контакт»...

Автор поясняет: «Надо быть татаринном, который считает за грех и обиду сказать слово чужой женщине, который ничего женского не видит, кроме покрывала и бровей, чтобы вообразить, как глубоко был возмущён пылкий бек взором и словом прелестной девушки, столь близко и столь нежно на него брошенным. Сладкий огонь пробежал по сердцу его, несмотря на слабость...».

В последующем тексте А.Марлинский не раз прибегает к этнопсихологическому измерению ментальности своих героев: «азиатская чувственность», «для азиатов», «в азиатском нраве и азиатском обычае» и т.д. Этим он объясняет многое, в том числе и угасшую, не успев разгореться, жизненную привязанность бека к своей первой, рано ослепшей к тому же, жене – дочери шамхала. «... Семейная неприязнь к тестю и дяде шамхалу ещё более разделяла молодых супругов, до того, что они очень редко бывали вместе. Мудрено ли ж после этого, что юноша, пылкий по природе, своевластный по привычке, загорелся новой для него любовью! Быть с нею было для него самым высоким счастьем, ждать её появления – приятнейшим занятием...». Автор не жалеет тёплых и возвышенных слов для обрисовки ситуации и взаимного влечения сердец.

Он поясняет: «Между горцами есть искусные лекаря, особенно для всех переломов и ран (8); но Амалата исцеляло лучше всех трав и пластырей присутствие милой горянки... Силы его возвращались быстро и с силами росла привязанность к Селтанете... Мало помалу знакомство с молодыми людьми скрепилось в дружбу. Они почти беспрестанно бывали вместе».

Султан-Ахмет-хан «очень видел склонность Амалата к дочери своей и втайне тому радовался» в полном соответствии с уже отмеченной выше расчётливостью, «как водится на Востоке».

«... Это оживляло его честолюбивые и воинственные виды: родство с беком, имеющим право на шамхальство, предавало ему в руки тысячу

поводов и средств вредить русским». То есть побудительные мотивы поощрения взаимного притяжения молодых людей вполне соответствовали изначально заданным чертам характера аварского владыки – корыстолюбиво, безудержной властности и стойкой антироссийскости настроения.

«Так протекло лето...».

После этой констатации А.А.Бестужев-Марлинский счёл необходимым ввести в текст повести изрядный и высокоинформативный этнографический очерк, веско свидетельствующий о глубокой компетентности и зоркости автора, что подтверждается знакомством с соответствующими научными трудами (9).

«... Аварцы – народ свободный. Они не знают и не терпят над собой никакой власти. Каждый аварец называет себя узденем, и если имеет есыра (пленного), то считает себя важным барином. Бедны, следственно, и храбры до чрезвычайности; меткие стрелки из винтовок, славно действуют пешком; верхом отправляются только в набеги, и то весьма немногие. Лошади их мелки, но крепки невероятно; язык дробится на множество наречий, но в основе лезгинский, ибо и сами аварцы племени лезгинского. Помнят христианскую веру, ибо не более ста двадцати лет поклонились Магомету, но до сих пор плохие магометане: пьют водку, пьют бузу, нередко виноградное вино, но всего чаще вино варённое, называемое у них джапа. Верность аварского слова в горах обратилась в пословицу. Дома тихи, гостеприимны, радушны, не прячут ни жён, ни дочерей; за гостя готовы умереть и мстить до конца поколений. Мечь для них – святыня, разбой – слава. Впрочем, нередко принуждены бывают к тому необходимостию. Выходя по вершине Аталы и Тхезерук, через хребет Турнитау в Кахетию, за реку Алазань, для сельских работ, из очень скудной платы, они нередко остаются дня по два и по три без дела, и потому, сговорившись, как голодные волки, бросаются ночью на ближайшие селения и, если удастся,

угоняют стада, похищают женщин, захватывают пленников, но всего чаще слагают свои головы в неравном бою. В русских границах впадения их затихли с тех пор, как укротили акушинцев, и Аслан-хан Кумыкский стережёт через его владения лежащий выход из Аварии. Но селение Хунзах, или Авар, лежащее на восточном краю Аварии, искони составляет наследие ханов, и власть их там закон. Впрочем, имея право велеть своим нукерам изрубить кинжалами любого жителя Хунзаха, даже любого проезжего, хан не смеет наложить никакой подати, никакой пошлины на народ и должен довольствоваться доходами со стад и с полей своих, обрабатываемых каравашами (рабами) и есырями (пленниками). Не бравши, однако ж, прямых налогов, ханы не отказываются от требования повинностей, освящённых более силою, чем обычаем. Взять во двор мальчика или девку, нарядить подводы на волах или буйволах для собственной перевозки или работы, послать гонца и тому подобное – суть вещи ежедневные. Жители Хунзаха живут, однако ж, богаче всех своих одноземцев; дома их чисты и почти все в два яруса; мужчины стройны, женщины красивы, тем более что между ними множество грузинок, захваченных в плен. В Аварии много занимаются арабским языком и потому слог людей грамотных очень цветен. Гарам ханский всегда полон гостями и нередко просителями, которые, по азиатскому обычаю, не смеют показать глаз без пешкеша (подарка), хотя бы то был пяток яиц... Нукеры ханские, на числе и отважности коих опирается власть его, с утра до вечера толкаются во дворах и в комнатах хана, всегда с заряженными пистолетами за поясом и с кинжалами на брюхе (азиатцы носят кинжал не на боку, а впереди). Любимые уздени и приезжие гости из чеченцев или из татар обыкновенно каждый день являлись поутру на поклон к хану, оттуда всей гурьбой отправлялись к ханше и нередко целый день оставались пировать в особых комнатах, угощаемые и в отсутствие хана изобильно...».

Уместны несколько пояснений.

Реплика о недавнем христианстве в горах Аварии точна, т.е. объективно подтверждается разнообразными данными о ренессансе этой конфессии у горцев Большого Кавказа в XVI-XVII вв. под влиянием Грузии (10). Исконная традиция набегов за добычей в условиях конца XVIII-начала XIXв. была заметно стеснена активизацией политики России в условиях конкретного этапа вхождения многих областей Северо-Восточного Кавказа в состав империи по добровольным присягам и международным договорам (11). Тем не менее, они продолжались как в Грузию, так и на российские границы о чём свидетельствует и содержание последующей главы повести (12).

Между тем, состояние Амалата улучшилось настолько, что он вызывается отправиться на охоту и убить «огромного тигра», исполошившего всю округу. Эпизод этот прописан с многочисленными подробностями и вновь характеризует героя как человека смелого, ловкого, верного своему решению «выказывать удалство своё перед горцами», да и перед любимой.

После всяческих испытаний и тревожений общества бек вернулся с победой и шкурой поверженного зверя через плечо. Судьба распорядилась так, что он встретился с Селтанет неподалёку от Хунзаха, где она пыталась утишить свои тревоги и страшные предчувствия у заброшенной святыни прошлых веков. «На треть агача (около 3,5 вёрсты, - авт.) расстояния от Хунзаха к западу есть развалины старинного христианского монастыря, уединённого памятника забытой веры туземцев. Рука времени, будто из благоговения, не коснулась самой церкви, и даже изуверство (т.е., по В.Далю, «ложное, упорное верование, при ненависти к разномыслящим и готовности пострадать за это, - авт.) пощадило святыню предков. Она стояла цела между разрушенных келий и павшей ограды. Глава её с остроконечною каменною кровлею уже почернела от дыхания веков; плюц заплёл сеткою узкие окна и в трещинах росли деревья...» и т.д. (13).

Едва ли не впервые зафиксированный в 1832 г. факт этот находит своё внятное объяснение в контексте обобщающего очерка о христианских древностях X-XIII вв., достаточно массовых в зоне кавказского высокогорья от Чёрного до Каспийского моря. Причём, одним из центров скопления таковых был бассейн Кубани, включая и его срединную часть (14).

Остаётся актуальной задача выявления и толкования подобных сообщений в произведениях литературы XIX в. как одном из источников российского познания Кавказа (15).

Беспредельная радость невольной встречи вылилась во взаимное пылкое признание в любви. Казалось, что дорога к обоюдному счастью открыта. Обрадовался и Султан-Ахмет-хан: «Слава богу, хвала и тебе!» - сказал он, обнимая Аммалата. И тут же ошеломил его «сюрпризом»: «Кстати явился ты. Джембулат, известный наездник Малой Кабарды, прислал звать тебя в набег на русских: вот достойное тебе поле. Вместо того, чтобы дразнить судьбу, гоняясь за тиграми, лучше гонять русских. Тебе же надо выкупить свою славу, пленённую в прошлом бегстве. Время не терпит; завтра чем свет тебе должно отправляться».

Аммалат огорчён, раздосадован, но «скрепя сердце, отвечал, что едет охотно. Он очень чувствовал (не без постоянных напоминаний хана, - авт.), что громкое имя наездника есть порука будущих успехов».

Зато больно потрясена Селтанета. «Алла – произнесла она с горестию, - опять набеги, опять убийства! Когда-то перестанет литься кровь на угорнях?...»

Даже если этот гуманистический момент вложен в уста горянки, выразив мысли самого русского писателя, то он точно передаёт настроения лучшей части горского общества.

В ответ с усмешкою звучат издевательские слова хана-подстрекателя: « - Когда горные потоки потекут молоком, а сахарный тростник закольшется на снежных вершинах».

Поятно, что до такой несбыточной идиллии крайне далеко. И ближайшие события служат тому суровым подтверждением!

Примечания:

1. Краткий словарь иностранных слов. 7-е стереотипное издание. – Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952, с.455.
2. См., например: Рудницкий Р.Р. Исторические предпосылки создания Азово-Моздокской оборонительной Линии. – Пятигорск, 2003; Клычников Ю.Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа. – Пятигорск, 2004, с.43 и сл.
3. Народы Кавказа. Этнографические очерки. Т. I. – Москва: АН СССР, 1960.
4. Танкиев А.Х. Кавказские произведения М.Ю.Лермонтова и чечено-ингушский эпос. Сравнительно-эстетические параллели // М.Ю.Лермонтов и Чечено-Ингушетия. Сборник статей. – Грозный: Чеч.-Инг. изд-во, 1981, с.113.
5. Рябиков А.Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века. – Славянск-на-Кубани, 2008; Кипкеева З. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. – Ставрополь, 2008.
6. Такими чеченцы многократно описывались и изображались художниками той поры. См.: Виноградов В.Б. Памяти вечная нить. – Грозный: Чеч-Инг. кн. изд-во, 1988, с.76-102.
7. Фактуру и библиографию см. в статье А.И.Исламмагомедова «Аварцы» // Энциклопедия культур народов Юга России. Том I. Народы Юга России. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 2005, с.33-36.
8. О высоких свойствах традиционной горской медицины в то время было общеизвестно. См., например, многочисленные специальные статьи историка кавказской медицины П.Б.Виноградова, сведённые в соответствующем издании (Павел Борисович Виноградов. Био-библиографические сведения). – Тверь, 2006, с. 12-37.
9. Например: Материальная культура аварцев. – Махачкала, 1967; Исламмагомедов А.И. Аварцы // Народы Дагестана. – Москва, 2004, с.115-147.
10. См. об этом: Виноградов В.Б., Бараниченко Н.Н. Об одном аспекте грузино-северокавказских связей в XVI-XVII вв. // Изв. АНГССР (Мацне). – Тбилиси, 1980. №3,

с. 72-83; Виноградов В.Б. Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских связей (до начала XX века). – Тбилиси, 1983.

11. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. – Славянск-на-Кубани, 2005, с.32-98.

12. Бестужев-Марлинский. Соч. в двух томах. Том 1. – Москва, 1958, с.459-470.

13. Там же, с. 455-456.

14. См. об этом: История Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. – Москва, 1988, с. 174-177.

15. См., например: История Кубани в русской художественной литературе. Часть I. Хрестоматия. Сост. В.Б.Виноградов, О.М. Ларина. – Армавир, 1996, с. 30.

IV. Судьбоформирующий набег на Терскую Линию

Следующая глава повести открывается блестящей и колоритной зарисовкой «дикого-прекрасного гремучего Терека в Дарьяльском ущелье», и последующим беглым описанием его течения вплоть до «впадения за Кизляром в чашу Каспия». А.А.Марлинский от пронзительного отражения красот и диковин природы высокогорья решительно переходит к представлению населения в плоскостной зоне. И тут тональность и стиль произведения заметно изменяются.

«Изящная проза», как определяет её тонкий исследователь русского литературного творчества XIX в. М.И.Серова (1), уступает место строгому историко-этнографическому повествованию, принципиально важному в канве решения задач конкретного литературного произведения, впервые знакомящего читателей России с особенностями реального бытия населения её кавказских окраин. Без обстоятельных цитаций здесь не обойтись. Начнём с очень многозначительной ситуационной зарисовки, касающейся равнинной части Терека.

«...По правому берегу его, между холмами и перелесками, рассеяны аулы кабардинцев, которых мы смешиваем в одно название черкесов,

живущих за Кубанью, или чеченцев, обитающих гораздо ниже к морю. Побережные аулы сии мирны только по имени, но в самом деле они притоны разбойников, которые пользуются и выгодами русского правления, как подданные России, и барышами грабежей, производимых горцами в наших пределах. Имея всюду свободный вход, они извещают единоверцев и единомышленников о движении войск и состоянии укреплений; скрывают их у себя, когда те собираются в набег; делят и перекупают добычу при возврате, снабжают их солью и порохом русскими и нередко участвуют лично в тайных и явных набегах. Самое дурное, что, под видом этих горцев, враждующие нам народы безбоязненно переплывают Терек человека по два, по три, по пяти и среди белого дня отправляются на разбой, никем не преследуемые, ибо одежда их ничем не отличена. Наоборот, сами мирные, пользуясь этою отговоркою, нападают, когда в силах, открыто на проезжих, или похищают скот и людей украдкою, рубят без пощады, или перепродают в плен далеко.

Правду сказать, местное положение их между двумя сильными соседями поневоле заставляет так коварствовать. Зная, что русские не успеют из-за реки защитить их от мести горцев, налетающих как снег, они по необходимости, равно как по привычке, дружат с однокровными, но в то же время лезут перед русскими, которых боятся.

Конечно, между ними есть несколько человек истинно преданных русским, но большая часть даже и своим изменяет из награды, и то лишь при верном успехе, и то лишь до тех пор, покуда видит в том свою пользу. Вообще, нравственность этих мирных самая испорченная; они потеряли все доблести независимого народа и уже переняли все пороки полуобразованности. Клятва для них игрушка, обман – похвальба, самое гостеприимство – промысел. Едва ли не каждый из них готов наняться поутру к русским в кунаки, а ночью в проводники к хищнику, чтобы ограбить нового друга...».

Этническая оценка кавказского населения терского правобережья лаконична, но точна: действительно – это место обитания адыгов Малой Кабарды и постепенно теснящих их своим выходом с гор на равнину чеченских (2) контингентов, принимающих российское покровительство, а к концу XVIIIв. и подданство (3). Поскольку речь идёт о прямом соседстве со «станциями линейских (как их именуёт автор, - авт.) казаков», можно быть уверенным, что речь идёт о среднем течении р. Терек, где оно и общеизвестно (4).

Следует признать серьёзность и реалистичность попытки обосновать очень зыбкий и ненадёжный приграничный статус так называемых «мирных горцев» и их аулов. Оценки А.А.Марлинского жёстки, нелицеприятны, учитывают не только объективные, но и субъективные условия складывания «разбойнической» психологии и практики большинства местных обитателей как крайне ненадёжных партнёров России (5). Чрезвычайно ценно, однако, и ясное свидетельство о наличии «между ними нескольких человек истинно преданных русским», но положение их незавидно в повседневной обстановке и при общей «испорченности нравственности этих мирных». Культ наживы, по мнению писателя, определяет их текущие поступки. Отсюда и вытекает грустный вывод: «... Едва ли не каждый из них готов наняться поутру к русскому в кунаки, а ночью в проводники к хищнику, чтобы ограбить нового друга...». Хорошо известны и массовы документальные и личные свидетельства о «непостоянстве характера и легкомыслии» кавказских народов, «имеющих в виду одночасные выгоды», склонность «жить одним днём» (6).

Далее в тексте повести помещён этюд о населении левого, противостоящего берега Терека, «униженного богатыми станицами линейских казаков, потомков славных запорожцев», между которыми «кое-где есть крестьянские деревни». Свообразный мир линейного казачества привлекал и привлекает сегодня особое внимание науки и общественности

Южного Российского региона, что легко подтвердить, обратившись, в частности, к регулярно проводимым Кубанско-Тереким конференциям «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа», сопровождающимся изданием сборников соответствующих материалов (7).

Мнение писателя о запорожских корнях линейного казачества не соответствует истине (8), но вполне отвечает довольно модной в его время версии, согласно которой гребенские казаки – суть «потомки Запорожцев, бежавших от притеснений и раздоров в Кавказские горы» (9). Тут А.А.Марлинский следует, скорее всего, взглядам А.Шидловского, выраженным в его только что опубликованной стихотворной «повести» безудержно романтического свойства (10), да ещё и написанной более всего по кубанским впечатлениям.

Зато необычайно достоверна последующая зарисовка: «Казаки эти отличаются от горцев только небритою головою: оружие, одежда, сбруя, ухватки – всё горское. Мило видеть, их в деле с горцами: это не бой, а поединок, где каждый на славу хочет доказать превосходство силы, храбрости и искусства... Почти все они говорят по-татарски, водят с горцами дружбу, даже по похищенным взаимно жёнам, но в поле враги неумолимые...».

Спустя недолгое время, эта характеристика была значительно расширена и уточнена Л.Н.Толстым в этнографически верно выполненной замечательной повести «Казаки» (11). Но в обоих случаях картина далека от идиллии, т.к. добрососедство на берегах Терека совмещается с постоянными военными столкновениями, вылазками, а то и массовыми набегами.

А.А.Марлинский завершает свой этюд так: «В последнее время большими толпами горцы стали нападать только на крестьянские деревни, ибо в станицах отпор становился им очень дорог. Для угонки табунов они смело и глубоко впадают в границы наши, но в таком случае редко

обходится без битвы. Самые лихие уздени стараются попасть в подобные походы, чтобы снискать себе имя, которое ценят они выше всякой добычи.

Осенью, в 1819 году, кабардинцы и чеченцы, ободрённые отсутствием главнокомандующего (т.е. А.П.Ермолова, - авт.), собрались в числе полуторы тысячи человек сделать нападение на какую-нибудь деревню за Тереком, ограбить её, увезти пленников, угнать табун».

После этих слов и наступает кульминация сюжета IV главы, посвященной одному из самых острых и болезненных вопросов местной истории – грабительских рейдов кавказцев на Терскую Линию.

Проблеме этой, вызывающей невероятное напряжение почти двухвековых дискуссий, уделено огромное научное внимание (12). Нас же интересует как отразилась она в русской художественной литературе, созданной современниками и участниками. Едва ли не первым, кто задумался об этом был Борис Степанович Виноградов (1910-1980 гг.). На полях приобретённого пятьдесят лет назад 2-хтомника А.А.Бестужева-Марлинского (на с. 467 повести «Аммалат-бек») он сделал карандашную пометку: «Набег» – книга для чтения по истории». Это побуждает к определённому экскурсу.

Опасность приграничной жизни в российских крепостях и селениях отразилась уже в стихах А.А.Столыпина (1795 г.), В.А.Жуковского (1814 г.), С.Д.Нечаева (1825 г.) (13). Но первым, кто приступил к системной разработке этой темы стал А.С.Пушкин (14). Он же дал обобщённый образ стремительных горских рейдов-набегов за добычей:

...И дикие питомцы брани
Рекою хлынули с холмов
И скачут по брегам Кубани
Сбирать насильственные дани...

А.А.Бестужев-Марлинский в невиданных ранее подробностях запечатлел характерный эпизод, сыгравший судьбоформирующую роль для героя его повести.

Предводителем крупного набега на казачье-крестьянские (они же и государственные) рубежи «был кабардинский князёк Джембулат. Аммалатбек, приехавший к нему с письмом от Султан-Ахмет-хана, был принят с радостью. Правду сказать, ему не дали никакого отряда, но это оттого, что у них нет никакого строя, ни порядка в войске; борзый конь и собственная запальчивость указывают каждому место в битве. Сначала сдумают, как завязать дело, как завлечь неприятеля, но потом нет ни повиновения, ни повеления, и случай доканчивает сражение...».

Впрочем, дальнейшее повествование существенно исправляет столь критическое впечатление о горской неорганизованности, имевшей под собой давние набеговые традиции.

«...Обославшись с соседними узденями и наездниками, Джембулат назначил сборное место, и вдруг, по условному знаку, во всех ущельях раздался крик: «Гарай! Гарай (тревога)!», и в один час слетелись со всех сторон наездники чеченские и кабардинские. Во избежание измены никто не знал, кроме вождей, где будет ночлег, где переправа. Разделясь на небольшие кучки, пошли они по едва видимым тропам в мирный аул, где должно было скрыться до ночи. В сумерках уже все отряды сошлись туда. Разумеется, мирные встретили своих земляков с распростёртыми объятиями, но Джембулат, не доверяя этому, оцепил селение часовыми и объявил жителям, что если кто покусится уйти к русским, будет изрублен на куски. Большая часть узденей разошлась по саклям кунаков или родственников, но сам Джембулат с Аммалатом и лучшими наездниками остался на чистом воздухе, подле разведённого огня, покуда освежались усталые кони...». Не правда ли, что это всё далеко от хаоса?

Раздумья Джембулата о распорядке набега и мечтания Аммалата о любимой были прерваны «протяжным напевом»: под «звук металлических струн горской балалайки (комус)» кабардинец пел старинную песню, призванную сыграть мобилизирующую роль воспеванием воинского удалства и верности мусульманским ценностям.

Вот текст этой песни, причём в специальном примечании автора сказано: «Вся песня переведена почти слово в слово»:

На Казбек слетелись тучи,
Словно горные орлы...
Им навстречу, на скалы
Узденой отряд легучий,
Выше, выше, круче, круче,
Скачет, русскими разбит:
След их кровию кипит!

На хвостах полки погони;
Занесён и штык и меч;
Смертью сеется картечь...
Нет спасенья в силе, в броне...
«Бегу, бегу, кони, кони!»
Пали вы, - а далека
Крепость горного леска.
Сердце нашим русским мета...
На колени пал мулла –
И молитва как стрела
До пророка Магомета,
В море света, в небо света
Полетела, понеслась:
«Иль-алла, не выдай нас».

Нет спасенья ниоткуда!

Вдруг, по магию небес,
Зашумел далёкий лес:
Веет, плещет, катит грудой
Ниже, ближе, чудо, чудо!...
Мусульмане спасены
Средь лесистой крутизны!

Считаем нужным отметить постоянное внимание русских художников слова к музыкально-песенному фольклору кавказцев, что обогащало важной информацией о них читающую публику. Яркие примеры этого давно известны и хорошо проанализированы в научной литературе (15). В частности, приведённая песня из повести «Аммалат-бек» дала жизнь одному из самых популярных и любимых романсов А.А.Алябьева («На Казбек слетелись тучи»), изданный «по свежим следам» в сборнике «Кавказский певец» 1834 года.

Этно-конфессиональный комментарий к песне вложен в уста Джембулата в репризе об опасности и ответственности предстоящего набега. Здесь же приведена и такая фраза: «Я сейчас проведал, что полковник Коцырев собрал отряд свой, но где он, но сколько у него войска, этого никто не знает...». Она, во-первых, подтверждает постоянную напряжённую деятельность «горской разведки», а во-вторых обозначает актуальную осведомлённость «набежчиков» в незаурядном военном мастерстве русского полковника Ю.П.Коцырева – видного военачальника, снискавшего себе громкую славу в батальных событиях «ермоловской эпохи» (16).

«... Чем больше будет русских, тем лучше, - отвечал Аммалат спокойно, - тем менее будет промахов.

- Зато труднее добыча!

- По мне хоть бы век её не было: я хочу мести, ищу славы.

- Хороша лишь та слава, которая несёт золотые яйца, а то с пустыми тороками воротясь домой, стыдно жене глаза показывать. Близка зима: надобно запастись хозяйством за русский счёт, чтобы угощать друзей и приятелей. Выбирай себе место, Аммалат-бек: хочешь, ступай в передовые, заскакать стадо, хочешь останься со мною назади. Я с абреками шаг за шагом буду удерживать погоню...»

Много занимательного в этом диалоге!

Прежде всего высвечивается причина и цель набега. Для Джембулата это – добыча. Для Аммалат-бека – свершение мести и поиски славы. Консенсус выражен предельно чётко: «хороша лишь та слава, которая несёт золотые яйца...». Обе ипостаси рейдов на Кавказскую Линию вполне присущи ментальности горцев!

Станным выглядит в повести мотив «мести» русским, который с подачи Султан-Ахмет-хана присутствует и культивируется постоянно. Однако невольно возникает вопрос: за что эта месть? Причём не государственным войскам, а мирным русским соседям и поселенцам – обитателям станиц и деревень.

Кавказцы с самых давних времён не представляли своей жизни без набегов из глубины скудных горных ущелий на куда более благодатные равнины. Это создавало и поддерживало постоянную военную напряжённость, непрерывную взаимную войну, с некоторых пор упорно и с дальним смыслом именуемую «Кавказской» в назойливом антирусском смысле (17).

Легко преодолеем опасное искушение углубиться в эту проблему. Но считаем возможным привести слова современника А.А.Марлинского, - великого баснописца Н.А.Крылова по поводу взаимоотношений волка и ягнёнка: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...». Они, как представляется, уместны в конкретном контексте...

В дальнейшем содержании повести, сразу вслед за разъяснением того, кого называют «абреками», начинается пора активных действий: «Джембулат свистнул, и свист его повторился во всех концах стана: вмиг собралась вся шайка. К ней присоединились многие уздени из окрестных мирных деревень...».

И тут-то выяснилось, как чётко отлажен многовековой механизм массовых нападений на пространства и людей к северу от реки Терек, включая немалый опыт преодоления казачьей защиты своих рубежей.

На нескольких страницах писатель с наибольшими подробностями рисует захватывающую картину поразительного «молчаливого» (бесшумного) ночного марша горской конницы, умелых и хорошо обеспеченных маневров по переправе через речную преграду, способы широкого коварного прорыва «прибрежной маячной и сторожевой цепи», сквозь которую набежчики «протекают... будто вода сквозь сито». «... На один пост отправился сам Джембулат, а нашему беку велел ползком выбраться на берег, обогнуть пикет сзади, сосчитать сто и потом ударить несколько раз в огниво. Сказано – сделано. Чуть подняв голову с забережья, весьма крутого, Джембулат высмотрел казака, дремлющего над фитилем, держа в поводу лошадь. Послышав шорох, часовой встрепенулся и устремил беспокойные взоры на реку. Боясь, чтобы тот не заметил его, Джембулат метнул вверх шапку и припал за кряж.

- Проклятая утица! – сказал донец. – Им и ночью масленица: плещутся да летают, словно ведьмы киевские.

Но в это время искры, мелькнувшие в другой стороне, привлекли его внимание.

«Неужто волки? – подумал он. – Бывает, они крепко сверкают глазами».

Но искры посыпались снова, и он обомлел, вспомнив рассказы, что чеченцы дают такие сигналы, управляя ходом своих товарищей. Этот миг

изумления и раздумья был мигом его погибели: кинжал, ринутый сильным рукою, свистнул, и прозенный казак без стопа упал на землю. Товарищ был его изрублен сонный, а вырванный шест с бочонком кинули в воду...».

И далее: «Быстро соединился весь отряд по данному знаку и разом устремился на деревню, на которую заранее предположено было напасть. Набег бы совершён очень удачно, то есть совершенно неожиданно...». Попытавшиеся оказать вооружённое сопротивление крестьяне «были перебиты». Другие спрятались или разбежались. «Кроме добычи, множество пленных и пленниц было наградой отваги. Кабардинцы вторглись в дома, уносили что поценнее или что второпях попало под руку, но не жгли домов, не топтали умышленно нив, не ломали виноградников: «Зачем трогать дар божий и труд человека», - говорили они...».

Автор делает многозначительную ремарку: «...Это правило горского разбойника, не ужасающегося никаким злодейством, есть доблесть, которой бы могли гордиться народы самые образованные, если бы они её имели». А.А.Марлинский верен своей манере объективной демонстрации наблюдаемого. Но в данном случае вряд ли учитывает, что горцы, обогащаясь добычей самого разного рода, были далеки от идеи рассматривать разорённую деревню в качестве одноразового своего подвига. Они были заинтересованы, чтобы жизнь в приграничной деревне возродилась, предоставляя им новые шансы наживы.

Вот и ещё одна типичная сцена тотального грабежа: «...Между тем несколько человек опытных наездников обскакали большой табун, далеко в степи ходивший. Пастух был захвачен сразу. С криком и выстрелами бросились они потом на коней с полевой стороны; кони шарахнулись, взбросили гривы и хвосты на ветер и стремглав кинулись вслед за черкесом, которого на лихом скакуне нарочно оставили на речной стороне, чтобы он был водаком испуганного стада. Как добрый кормчий, зная и в туманах . наизусть все опасности этого степного моря, черкес летел впереди

прядающих коней, вился между постами и, наконец, избрав самое крутое место берега, прыгнул в Терек со всего рассказка. Весь табун за ним следом: только прыскала шумная пена от падения.

Занялась заря, расступились туманы и открыли картину вместе пышную и ужасную. Главная толпа наездников влачила с собою пленных, кого при стремени, кого за седлом, со связанными руками. Плач и стон и вопль отчаяния заглушались угрозами и неистовым криком победной радости. Отягощенные добычей, замедляемые в ходу стадами рогатого скота, они медленно подвигались к Тереку. Князья и лучшие наездники в кольчугах и шлемах, блистающих, переливающихся как вода, увивались около поезда, словно молнии из сизой тучи...».

Казалось бы, рейд завершается с полным успехом.

Но захваченные врасплох мирные крестьяне получают мощную поддержку быстро стекавшихся сюда вооружённых сил: отовсюду «скакали линейские казаки», втягивая грабителей в перестрелку и в опасные для них конные манёвры. На пути отступления «хищников» организуется засада «скрытых в опушке егерей храброго 43-го полка» регулярных войск. Подоспела и артиллерия, что окончательно и «решило дело».

Разгром набегчиков возглавил «опытный полковник Коцырев, гроза чеченцев, человек, которого они равно боялись храбрости и уважали праводушие, бескорыстие...». Он «умело распорядился действиями войск и успех не мог быть сомнительным. Пушки развеяли толпы хищников, и картечь прыснула в бегущих. Поражение было ужасно». Автор воссоздает трагическую сцену обратной переправы горцев через Терек, не скрывая собственного сочувствия к огромным потерям тех, кто поддался искушению обильной и лёгкой добычи: «Жалко было видеть, как раненные цеплялись за хвосты и узды чужих коней, погружали их и не спасали себя; как бились усталые у крутого берега, желая выползть, обрывались, и ненасытная пучина уносила, поглощала их. Трупы убитых неслись между полуживыми,

и кровавые полосы змеями вились по белой пене, дым катился по Тереку, и вдали снеговые вершины Кавказа, нахмуренные туманами, грозно замыкали поле боя».

Есть много сходства в этом описании с соответствующими строками знаменитого лермонтовского стихотворения «Валерик», написанного в 1840 году (18). И это весьма примечательная параллель (19).

Нашлось место и для показа последних усилий героев повести: «Джембулат и Аммалат-бек дрались как отчаянные: двадцать раз опрокинуты и двадцать раз нападая, утомлены, но не побеждены...». В последние минуты боя, перед исполнением вместе с оставшимися сподвижниками ритуальных у горцев «смертных песен», приведённых в повести в переводе на русский язык (см. с. 469-470), между двумя предводителями состоялся принципиально важный диалог.

« - Ну, Джембулат! – сказал бек кабардинцу, - судьба наша кончилась! Делай сам как хочешь, - но я не отдамся в плен живой. Лучше умереть от пули, чем от позорной верёвки.

- Не подумаешь ли ты, - возразил Джембулат, - что мои руки сделаны для цепей? Сохрани меня алла от такого поношения! Русские могут полонить моё тело, но душу – никогда, никак. Братцы, товарищи! – крикнул он к остальным, - нам изменило счастье, но булат не изменит: продадим дорого жизнь свою гяурам! Не тот победитель, кто на поле: тот, за кем слава, а слава тому, кто ценит смерть выше плену!»

После этого оставшиеся в живых горцы располагаются за завалом из собственных, убитых для этой цели, боевых коней и «по обычаю запели грозно-унылым голосом смертные песни, отвечая по очереди куплетом на куплет».

Прощаясь с земным миром, они, между прочим, завещают: «Дети, забудьте отцовский обычай: он не потешит вас русской добычей!». Но главный рефрен песен: «Братья, вы нас поминайте за чашей: /Вольная

смерть нам бесславна краше!.. О братья! творите молитву, /С кинжалами
ринемся в битву!/ Ломай их о русскую грудь.../ По трупам бесстрашного
путь!

Слава нам, смерть врагу,

Алла-га, Алла-гу!»

...Финальные строки главы: «Поражены каким-то невольным благоговением, егеря и казаки безмолвно внимали страшным звукам их песен, но, накопец, громкое «ура» раздалось с обеих сторон (тут же авторское примечание: «Ур, ура – значит бей по-татарски. Нет сомнения, что этот крик вошёл у нас в употребление со времён владычества монголов, а не со времени Петра, будто бы занявшего hinta у англичан).

Черкесы вскочили с воплем, выстрелили в последний раз из ружей и, разбив их о камни, кинулись на русских с кинжалами. Абреки, не разорваться в натиске, связались друг с другом поясками и так бросились в сечу. Она была беспощадна; всё пало под штыками русских.

- Вперёд, за мной Аммалат-бек! – вскричал неистовый Джембулат, кидаясь в последнюю для него схватку. – Вперёд! Для нас смерть – свобода.

Но Аммалат уже не слышал призыва: удар сзади прикладом по голове поверг его на землю, усеянную убитыми, залитую кровью».

...Заметим всё же – от судьбы не уйдёшь! Из первого набега кумыкский владетель спасся бегством будучи ранен в руку. И второй раз – он не застрелен пулей, не заколот штыком, а оглушён прикладом, что сулит ему верный плен. И дальнейшие перипетии его жизни определены именно этим фактом.

Мало мечтать о достойной смерти! Её ещё нужно заслужить... Или – нет! Вряд ли А.А.Марлинский не понимал этого...

Примечания:

1. Серова М.И. От «Декабристов» - к «Войне и миру» («Мысль народная» - главная идея романов) // Война и мир как глобальная проблема (к 180-летию со дня рождения Л.Н.Толстого). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2008, с.15.
2. Механизм этого процесса см.: Виноградов В.Б., Шаова (Кайтмесова С.Д.). Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI-XVIII). – Армавир-Майкоп, 2003, с.104-123.
3. См. последнее по времени обобщение: Блиева З.М. Русско-чеченские отношения в XVII-XVIII вв. // Вопросы истории. – Москва, 2003, №12, с. 47-61.
4. Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чаккиев Д.Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. – Грозный, 1990, с.7-14.
5. См. об этом подробно в обобщающих трудах по истории Северного Кавказа конкретных субъектов Российской Федерации, в первую очередь Чеченской Республики.
6. Черкасов А.А. «Низы» и «бары» убухского общества (1829-1864 гг.): причины социального конфликта // Война и мир..., с. 93-103.
7. Они начались с 1994 г. на базе АГПУ (Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова) и краевого фонда культуры кубанского казачества «Линеец» (С.Н.Лукаш). Последняя состоялась в октябре 2008 г. См.: Материалы Шестой Международной Кубанско-Терской конференции. Под ред. Н.Н.Великой и С.Н.Лукаша. – Краснодар-Армавир, 2008. С. 248.
8. Значительно более аргументированы построения о северорусских и донских их корнях, не говоря уж о том, что основная масса линейцев как таковых была расселена по Тереку собственно российской властью. См. об этом: Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001; Емельянов О.Б. Земледелие в первой половине XIX века. – Георгиевск-Новопавловск, 2007.
9. См.подробнее: Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы. – Армавир, 2003, с. 49-55.
10. Гребенский казак. Повесть Александра Шидловского. – Санкт-Петербург, 1831.
11. Суть вопроса см.: Виноградов В.Б. Этнографический материал в повести Л.Н.Толстого «Казаки» // Советская этнография. – Москва, 1957, №3, с. 33-43.
12. Из работ, определяющих позиции кавказоведческой Школы, см., например: Виноградов В.Б. Горские набеги в контексте российско-кавказских взаимоотношений периода правления Павла I // Вопросы северокавказской истории. Вып. I. – Армавир, 1996; Кипкеева З.Б. Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов в

- XIX в. – Армавир; Ставрополь, 2002; Клычников Ю.Ю. Набеговая система горцев и её влияние на северокавказскую политику России в первой половине XIX в. // Дикаревские чтения (7). – Краснодар, 2001; Матвеев В.А. Российский универсализм и этничность..., с. 32-34.
13. См.: История Кубани в русской художественной литературе (досоветский период). Часть I. Хрестоматия. – Армавир, 1996.
14. Виноградов В.Б. Пушкинская Кубань (историко-литературоведческие этюды). Изд. 2-е, доп. – Армавир, 2001.
15. См., например: Польская Е., Розенфельд Б. «И звезда с звездой говорит...». – Ставрополь, 1980; Клычкова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.). – Пятигорск, 2006; Виноградов В.Б. А.С.Грибоедов: горская набеговая песня (историко-этнографический комментарий) // Модернизационные процессы в истории России XVIII-XX вв.: политика, экономика, культура. – Армавир, 2003; Щербакова В.А. Первые русские «певцы Кавказа» // Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 13. О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. – Москва; Армавир, 2007.
16. См., например: Скиба К.В. Полковник Ю.П.Коцырев и его роль в боевых действиях на Средней Кубани. Материалы VIII краевой межвузовской аспирантско- студенческой конференции. – Армавир, 1999, с. 29-30.
17. Некоторое представление о проблемности всей ситуации дают недавние труды, такие как: Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60-х гг. XIX в. (коллективная монография). – Махачкала, 2006; Круглый стол «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе» (Ростов-на-Дону, апрель 2007 г.) // Научная мысль Кавказа. Научный и общественно-теоретический журнал. Северо-Кавказский научный центр Высшей школы, 2007, №1; Патракова В.Ф. Проблемы истории Кавказской войны XIX века в зеркале современных подходов // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. №45, 2007; и др.
18. Сравните: Виноградов Б.С., Виноградов В.Б. «Речки смерти» и мечта о мире // Лермонтовский сборник. – Грозный, 1964, с. 161-181.
19. См.: Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. Бестужев-Марлинский и Лермонтов – как выразители кавказской «российскости» // Год Александра Александровича Бестужева (Марлинского) – горизонты осмысления. Материалы региональной конференции. – Краснодар, 2008, с. 51-56; Люфт Е.Г. Кавказские открытия Александра Бестужева-Марлинского // Там же, с. 57-61.

Заключение

В 1820-х гг. А.А.Бестужев-Марлинский – блестящий писатель, литературный критик и публицист – находился в эпицентре литературно-общественной полемики и практики укоренения в российской культурной действительности «права гражданства милому гостю романтизму». Непосредственный участник и лидер «перехода» от классицизма к реализму он упоённо отстаивал в творчестве идеалы «доброты в истине, или истины в доброте». Афористична его тирада: «Храбрость для защиты отечества – добродетель, но храбрость в разбойнике – злодейство» (1).

Притом он находится под немалым влиянием западноевропейской культуры: «я с жаждою глотаю английскую литературу и душой благодарен английскому языку – он научил меня мыслить, он обратил меня к природе – это неистожимый источник! Я готов даже сказать: *il n'y a point salut hors la literature Anglaise* (фр. – нет спасения вне английской литературы)». Это – из письма А.С.Пушкину от 9 марта 1825 г.

Так длится вплоть до самого завершения сибирской части ссылки. А потом писатель-декабрист перемещается на Кавказ, который буквально ошеломил его новыми впечатлениями, чувствованиями, осознаниями.

Повесть «Аммалат-бек» едва ли не ярчайшее тому свидетельство, обозначившее рождение его в чём-то принципиально иного мировосприятия. Данный процесс свойствен не только ему! Именно он, по нашему разумению, неизбежно уводил русских литераторов и мыслителей от слепого восприятия колониального по сути западного «ориентализма» к отечественному «востоковедению», прокладывающему свой путь через «кавказолюбие» (2).

Это проблема большая и необычайной сложности. Но она встаёт сегодня в полный рост (3), сопрягаясь с литературно-художественными факторами формирования той «российскости», что определяла ход

интегративных явлений на южных рубежах нашей Родины, в том числе и в XIX в. (4).

Мы имели недавно случай поставить вопрос о назревшей потребности переоценки соотносённости мировоззрения и художественного творчества классиков русской литературы второй четверти XIX в., в связи с оценкой наследия А.А.Бестужева (Марлинского) (5).

Выполненная ныне работа, являясь лишь частью общего замысла, служит той же цели, применяя историко-этнографический подход к восприятию и толкованию правдивого творчества великого русского романтика, эволюционировавшего к реализму в условиях своего пребывания на Кавказе, который в ту пору неуклонно (хотя, порой, и мучительно) срачивался с Россией.

Примечания:

1. Минимально краткую подборку необходимых фактов см. в «Приложении» к монографии М.И. Серовой и Б.А.Трёхбратова «Своей судьбой гордимся мы...» (Краснодар. 2008, с. 181-187).
2. См.: Виноградов В.Б. Из плена односторонности и иллюзий относительно российских «образов Кавказа и горцев» (предварительные заметки) // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 9. – Пятигорск. 2008, с. 196-204; Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. М.Ю.Лермонтов: «Как сладкую песню отчизне моей люблю я Кавказ» (фарс «ориенталистских клише») // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (Материалы научно-педагогического семинара). Вып. 11. – Москва; Армавир. 2008, с. 33-37.
3. См. об этом, например: Захаров В.А. Лермонтов на Кавказе и проблемы ориентализма // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Материалы 4-го Конвента РАМИ. Том 8. Южный Кавказ в реалиях меняющегося мира: глобальное, региональное, локальное. – Москва. 2007, с. 28-45; он

же. Ориентализм Эдварда Саида и восприятие Востока в лермонтовскую эпоху. – Москва-Пятигорск. 2008.

4. Библиографию см.: Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. Бестужев-Марлинский и Лермонтов как выразители «российскости» // Год Александра Александровича Бестужева (Марлинского) – горизонты осмысления. – Краснодар. 2008, с.51-56.

5. Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. Этюды о А.А.Бестужеве-Марлинском на Кавказе. – Москва-Армавир. 2008, с. 33-38.

Справочные сведения

Научное издание

«А. А. Бестужев (Марлинский): историко-этнографические реалии повести "Аммалат-бек"» (Часть I).

Практические опыты исторического регионоведения. Вып 53.

Виноградов Виталий Борисович - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и региональной истории Армавирского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Кубани, Чечено-Ингушской АССР, почётный работник высшего профессионального образования России, член президиума Общественной Академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа, академик-руководитель научной школы Международной Академии наук, академик Международной Академии информатизации, член Союза журналистов России.

Люфт Елена Гейнриховна – студентка 3 курса исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета.

Под редакцией д. и. н., академика МАН,
профессора КГУКИ **М.И. Серовой**

Содержание

От редактора	2
К читателям	3
I. Штрихи кавказской предыстории повести «Аммалат-бек».....	5
II. Историко-этнографические сведения в зачине повести (анатомия конфликта в контексте «российскости»).....	16
III. Личные чувствования героев в экспозиции произведения (главы II и III).....	30
IV. Судьбоформирующий набег на Терскую Линию.....	39
Заключение	55
Справочные сведения	58

ISBN 978-5-93750-212-4

9 785937 502124